

УДК 81'23

МЕНТАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРАГМЕНТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА: ОПИСАНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ

И.С. Бороздина

Исследование посвящено рассмотрению ряда вопросов, связанных с изучением особенностей ментальной и языковой репрезентаций структурных элементов категории «пространство», включая пространственные отношения между объектами. С опорой на накопленный опыт в изучении категоризации, концептуализации и вербализации пространства в различных лингвокультурах в работе предлагаются пути интерпретации значения ряда пространственных лексем, в частности предлогов. Особое внимание уделяется роли функционального компонента в интерпретации пространственных отношений и предложной семантики. Кроме того, в работе представлено описание процедуры использования экспериментальных методик, направленных на воссоздание динамической реляционной модели, отражающей процесс восприятия и номинации пространственных сцен.

Ключевые слова: категория «пространство», ментальная репрезентация, языковая репрезентация, предлог, прототипическая пространственная сцена.

Each one of us is a prisoner in a solitary tower and he communicates with the other prisoners, who form mankind by conventional signs that have not quite the same meaning for them as for himself.

(W.S. Maugham, The Happy Man)

Слова из рассказа У.С. Моэма «Счастливый человек», приведённые в качестве эпиграфа к этой главе, были написаны писателем почти сто лет назад, однако они как нельзя лучше отражают одну из ключевых идей современного языкознания: даже в рамках одного языка и одной культуры коммуниканты, обмениваясь речевыми сообщениями, далеко не всегда посылают и получают одну и ту же информацию. Идея, родившаяся в сознании говорящего под влиянием его чувств, переживаний, желаний и опыта, сначала теряет или меняет часть своего содержания в процессе облачения в языковую форму. Затем адресат дешифрует полученное сообщение и интерпретирует его в соответствии со своими чувствами, переживаниями, желаниями и разными видами опыта. Ситуация ещё более усложняется, если участниками коммуникации становятся представители разных языков и культур. В таком случае содержание посылаемого сообщения преломляется ещё и под влиянием системы другого языка, а также культурных представлений, характерных для иного языкового сообщества. В этой связи одной из задач современных лингвистических и смежных исследований становится установление того, в чём именно заключаются отличия в содержании передаваемого и получаемого адресатом языкового сообщения.

Как представляется, одним из перспективных направлений в решении указанной выше задачи является изучение и сопоставление способов, форм и содержания языковой и ментальной репрезентаций фрагментов и элементов категории «пространство» как одной из базовых категорий бытия, в рамках как одной, так и различных лингвокультур.

В предисловии к своей книге «Как работает мозг» С. Пинкер приводит слова Н. Хомского о том, что наше незнание об окружающем мире можно разделить на два типа – проблемы и загадки (problems and mysteries). Когда мы сталкиваемся с проблемой, у нас, возможно, нет её решения, но мы интуитивно чувствуем, накапливая знания в этой области, что решение существует. Когда же мы сталкиваемся с загадкой, у нас нет ни малейшего понятия о том, в каком направлении необходимо вести поиск [Pinker 2009]. Исследование того, как окружающее нас пространство со всем его многообразием конструирующих элементов и отношений между ними репрезентируется в языке и сознании, похоже, таит в себе оба вида незнания, где языковая репрезентация пространства представляет собой вполне разрешимую проблему, а вот то, как пространство и пространственные отношения представлены в сознании индивида, хранит немало загадок, неподдающихся разгадке, по крайней мере, на данном этапе развития науки.

В своих трудах по общей и пространственной семиотике Л.Ф. Чертов предлагает ряд интересных замечаний относительно факторов, объясняющих специфику пространственных кодов. Так, по мнению автора, пространственные коды находятся под влиянием процесса семиотизации пространства, при котором особое значение имеет структурирование пространства путём выделения его значимых элементов, а также отношений между ними. Пространственные коды исходят из картины мира, созданной зрительным восприятием посредством особого «перцептивного кода», позволяющего преобразовывать зрительно воспринимаемые двухмерные картинки в образы трёхмерного пространства. Л.Ф. Чертов также отмечает, что в некоторых случаях формы предметов несут на себе основную информационную нагрузку. В других – это отношения между предметами или их включение в некую систему координат, как, например, личное пространство, пространство городской среды и т.п. [Чертов 2014].

Восприятие окружающего пространства достаточно сложный и многосторонний процесс. Например, визуальное восприятие окружающего мира состоит из двух параметров: двухмерное восприятие высоты и ширины объектов человеческим глазом и конструируемое мозгом третье измерение – глубина. По этой причине находящиеся на разном расстоянии от наших глаз объекты разного размера отображаются на сетчатке глаза, как предметы одного размера [Pinker 2009: 8]. Сравним, например, отражение карандаша, который мы держим в руке, и отражение электрического столба, находящегося в нескольких десятках метров от наших глаз. В процессе зрительного восприятия они могут показаться нам предметами одинакового размера. Подобного рода

примеры указывают на относительность восприятия окружающего нас пространства.

С. Пинкер также отмечает, что даже такие обычные для нас процессы, как размышление и умозаключение, представляют собой сложные явления в отношении пространства. Автор, например, задаётся вопросом, почему в ситуации, когда в машине находится сумка, а в сумке – галлон молока, мы можем сказать, что в машине есть галлон молока, но если в машине сидит человек, в теле которого течет галлон крови, мы не можем сказать, что в машине есть галлон крови. Данный пример интересует нас с точки зрения того, каким образом используемые предлоги, в частности предлог *в*, влияют на понимание высказывания и его истинность или ложность [Pinker 2009: 14]. Одним из значений русского предлога *в* (так же, как и английского *in*) является указание на то, что объект Y (релятум) выполняет функцию контейнера для объекта X (референта). При этом в современных словарях контейнер определяется, как «стандартноеместилище, предназначенное для бестарной перевозки грузов каким-либо видом транспорта и приспособленное для механизированной погрузки и выгрузки» [URL: <https://www.efremova.info/word/kontejner.html#.W6ytUbpul7I>]. Английское слово *container* имеет сходное толкование: 1) a hollow object, such as a box or a bottle, that can be used for holding something, especially to carry or store it, 2) a very large metal box used for transporting goods [URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/container>]. Следуя указанным определениям, можно предположить, что фраза *галлон молока в машине* является допустимой по причине того, что машина может выполнять функцию контейнера по отношению к данному референту. Фраза же **галлон крови в машине* в ситуации, когда внутри машины сидит человек, не допустима, так как ни сам человек не является контейнером для крови, ведь кровь – это непосредственная составляющая человека как биологического существа, ни, следовательно, машина не является контейнером по отношению к крови. Иными словами, в данной ситуации человек воспринимается как единое целое, и только по отношению к нему машина может быть контейнером. Ситуация меняется кардинальным образом, если представить, что в машине перевозится донорская кровь. В таком случае фраза *галлон крови в машине* (например, в машине скорой помощи) становится вполне допустимой.

Таким образом, предлог *в*, как правило, не используется в том случае, если референт является составной частью релятума, образуя с ним единое целое. Примером также могут служить фразы типа *вешалка в шкафу* и **полка в шкафу*, где первая фраза воспринимается как норма, а вторая – нет. Как правило, вешалка не является частью шкафа и приобретает отдельно, а полка – часть, входящая в его конструкцию. По этой же причине для первого случая невозможен такой вариант перефразы, как **вешалка шкафа*, тогда как во втором случае мы можем сказать *полка шкафа*. Ситуация с английским языком вполне идентична: фразы *a gallon of milk in the car*, *a peg/coat rack in the dresser*, *the shelf of the dresser* являются допустимыми, а фразы **a gallon of blood in the car*,

**a shelf in the dresser, *the peg/coat rack of the dresser* – нет. Дело в том, что в русском языке родительный падеж существительного-релятума, а в английском языке использование предлога *of* перед ним, как раз и описывают ситуацию принадлежности части (референта) целому (релятуму): *сиденье машины/the seat of the car, полка шкафа/the shelf of the dresser, страница книги/the page of the book* и т.п.

Использование предлогов и интерпретация их значений как одного из языковых средств репрезентации пространства зависят не только, а может быть и не столько, от геометрических параметров объектов, отношения между которыми выражает предлог. В порождении и интерпретацию высказываний с предлогом вовлечён целый спектр знаний индивида об окружающем мире. Почему мы, например, говорим *не пили сук, на котором сидишь, не свети в бак с бензином зажжённой спичкой* и т.п. Рассмотрим причины возникновения этих выражений и роль предлогов в формировании их смыслов. В первом предложении ветка дерева выполняет функцию опоры для человека, сидящего на ней. Представим ситуацию, когда человек отпилит сук, на котором сидел. И ветка, и человек начнут падать вниз. При этом положение человека в пространстве по отношению к ветке может остаться прежним, т.е. человек будет по-прежнему находится на её поверхности. Однако возникает вопрос, возможно ли будет по-прежнему описать ситуацию падающего человека и ветки, как *человек сидит на суку*. Вероятнее всего, ответ на этот вопрос будет отрицательным. Причина невозможности использования предлога *на* заключается в том, что отпиленная ветка не может служить опорой для референта. В то же время, как только ветка приземлится, а человек будет по-прежнему на ней находиться, снова можно будет сказать *человек сидит на суку*, так как релятум восстановит свою функцию опоры.

Смысл высказывания *не свети в бак с бензином зажжённой спичкой* является предостережением против использования открытого огня вблизи тары с бензином во избежание внезапного возгорания. С точки зрения пространственного расположения, горящая спичка совсем не обязательно должна находиться внутри бака с бензином, чтобы вызвать возгорание. Опасность возникает уже при приближении пламени к баку. В таком случае спичка будет находиться вне пределов бака, но почему даже в этой ситуации возможно использовать предлог *в*? В интерпретации данной сцены важно учитывать не только её пространственные параметры, но и те знания, которые имеет говорящий об объектах, вовлечённых в пространственные отношения. Так, всем известно, что бензин легко испаряющаяся жидкость, а его пары легко воспламеняются. Его воздействие распространяется за пределы тары, в которой он находится, если тара открыта. По этой причине бензин может вспыхнуть, когда горящая спичка только приближается к баку. Как следствие, такую ситуацию можно описать при помощи анализируемого высказывания с предлогом *в*.

При интерпретации значения предлога и смысла предложного высказывания необходимо учитывать, какие из параметров ситуации являются

релевантными для её интерпретации, а какие нет. Например, при интерпретации предложного высказывания *сидеть на суку* нерелевантным является то, какое именно это дерево, есть ли на нём листья или нет и т.п., а релевантным то, что сам сук должен быть достаточно крепким, чтобы удержать сидящего на нём человека и служить для него опорой. В интерпретации примера с зажжённой спичкой и баком бензина не релевантными являются такие параметры ситуации, как цвет машины, объём бака, длина и толщина спички и т.п., а релевантным то, что действие паров бензина распространяется за пределы бака, и тепло, исходящее от спички, может воспламенить его, как только попадет в эту зону.

Приведённые выше примеры подтверждают необходимость учёта не только геометрических параметров пространственных сцен, но и функциональных характеристик вступающих в пространственные отношения объектов. Кроме того, важным является учёт многогранного опыта, который приобретает говорящий в процессе взаимодействия с окружающим пространством, языком и культурой. В целом, такой подход к интерпретации реляционных (выражающих отношения между объектами) речевых актов можно назвать функционально-экспериенциальным.

Языковая и ментальная репрезентация пространства интересна ещё и с точки зрения того, какие её особенности проявляются в том или ином лингвокультурном сообществе. Примеры того, насколько по-разному представители разных народов воспринимают и структурируют в своём сознании окружающее пространство, встречаются в лингвистической литературе достаточно часто. Так, описывая опыт своего пребывания в Амазонии и путь постижения особенностей языка и жизни индейцев пираха, известный американский лингвист Д. Эверетт обращает внимание на интересное понятие, выражающееся словом *xibipio* (ибипио) и не имеющее аналогов перевода на английский и португальский языки (возможно, и на другие также). Как пишет Д. Эверетт, данное понятие используется в ситуациях, когда объект появляется в поле зрения или исчезает из него. При этом в центре внимания находится сам процесс появления или исчезновения, а не тот, кто, или то, что его осуществляет. Отличие данного понятия от представлений о появлении и исчезновении, которые существуют в других культурах, не только в том, что в соответствующих языках, как правило, имеется две отдельные лексемы, номинирующие процесс проявления и исчезновения, как, например, *появляться* и *исчезать* в русском и *appear* и *disappear* в английском, но и в том, что, по сути, это другой концепт, который имеет непосредственную связь с представлением о «границе восприятия» [Эверетт 2016: 138–141].

Как подчёркивает Д. Эверетт, у пираха само представление об устройстве окружающего мира существенно отличается от привычного нам. Пираха считают, что мир состоит из нескольких слоев, два из которых – небо и земля – видимые, в то время как остальные, находящиеся выше или ниже, – невидимые. В соответствии с представлениями пираха, обитатели невидимых

слоёв (как правило, это – духи) могут пересекать их границы. Пираха считают, что они и сами могут пересекать границы слоёв Вселенной, но только во сне. Сон для пираха – продолжение действительности и непосредственного личного опыта [Эверетт 2016: 141].

Ещё одним ярким примером того, как представления о пространстве различаются от социума к социуму, могут служить даже культуры, пользующиеся для общения одним языком. Как правило, когда мы говорим о специфике восприятия и репрезентации пространственной картины мира, мы обращаем особое внимание на то, что представители двух социумов говорят на разных языках, каждый из которых откладывает свой отпечаток на способы ментальной репрезентации категории «пространство». Тем не менее, даже в культурах с одним и тем же языком могут наблюдаться существенные отличия в восприятии различных фрагментов пространства, формировавшиеся на протяжении долгих лет под влиянием традиций и принятых в обществе правил.

Далеко не всегда это закрытые малоизученные социумы, проживающие на отдаленных малодоступных территориях. Подобного рода отличия встречаются и в англоязычных культурах. Всем известен тот факт, что в Великобритании левостороннее движение, а в США – правостороннее. Приезжая на Британские острова, американец получает вербальное сообщение о том, что транспорт движется по левой стороне дороги, которое становится знанием, в соответствии с которым он должен контролировать свое поведение, являясь участником дорожного движения. В большинстве случаев поведение гостя Туманного Альбиона будет соответствовать новым требованиям, но только не в экстремальной ситуации. При угрозе лобового столкновения водитель-американец, пытаясь избежать аварии, вероятнее всего, резко повернет рулевое колесо вправо, как этого требует поведение на дороге в Америке, тем самым усугубив ситуацию. Возникает вопрос, почему же человек совершает такие неверные действия, зная дорожные правила. Очевидно, пространственные представления и поведение в пространстве формируются не только под влиянием информации, получаемой вербально. Важен ещё и опыт действия в определенных пространственных ситуациях. По мнению Р. Д'Андрате, в таких ситуациях действуют два типа знаний – знания о правилах, полученные вербально (*verbal rule knowledge*), и ассоциативные знания (*connectionist knowledge*), приобретаемые с опытом поведения в определённой пространственной ситуации. Два эти вида знаний по-разному усваиваются, испытывают разное влияние со стороны экстремальных ситуаций и провоцируют разные психологические и поведенческие реакции [D'Andrade 2000: 145]. В этой связи ряд учёных предлагает использовать термин «культурные модели» [Cultural models in language and thought 1987].

Примером культурной модели может служить детальное описание физической и ментальной деятельности, осуществляемой жителями Микронезии, в частности Каролинских островов, в процессе навигации. Данная культурная модель была представлена в трудах Томаса Гледвина [Gladwin 1970].

Понятие навигации имеет непосредственное отношение к категории «пространство», так как включает в себя определение местоположения, скорости и ориентации движущихся объектов. В современном мире это понятие связано не только с перемещением в пределах водных объектов, что служило исходным значением слова (слово «навигация» происходит от латинского *navigatio*, в свою очередь произошедшего от глагола *navigo* – «плыву на судне»). В наиболее общем виде навигация определяется как «процесс управления некоторым объектом (имеющим собственные методы передвижения) в определённом пространстве передвижения» [URL: https://onlinedic.net/efremova/_page/word48147.php]. Тем не менее, для ряда социумов, как, например, проживающих на крошечных островах, затерявшихся среди просторов Тихого океана, термин «навигация» по-прежнему в первую очередь имеет отношение к перемещению по воде.

Совершенно не сложно описать местоположение и перемещение объекта в пространстве, когда объект находится на суше, так как всегда можно выбрать ориентир, относительно которого и определяется положение перемещающегося объекта. В обычном разговоре, отвечая на вопрос собеседника «Где ты?», мы говорим «Я на улице Ленина, возле драматического театра» или «Я стою у входа в торговый центр», а может быть «Я проезжаю мимо Знаменского собора». Как же ответить на тот же вопрос, если ты находишься в маленькой лодке посреди океана на расстоянии десятков, а то и сотен километров от земли? В такой ситуации привычных объектов, которые бы могли выполнить функцию ориентира, попросту нет. Издревле мореплаватели решали эту проблем, ориентируясь по звездам. Основу навигации жителей Каролинских островов также составляют звезды, однако в используемой ими навигационной модели более важную роль играет так называемый «остров-ориентир» (*reference island*), который может быть как реальным, так и вымышленным, существующим только в сознании индивида. Такой остров должен находиться на середине пути между отправной и конечной точками движения. Мореплаватель соотносит свое положение с этим островом, он как бы находится напротив него, а положение острова – со звездами. При этом в представлении мореплавателя его лодка остается неподвижной, а остров передвигается относительно лодки и звёзд.

Подобная культурная модель перемещения имеет существенные отличия от моделей, принятых в европейских культурах, где движущийся объект всегда воспринимается как меняющий свое положение в пространстве. Здесь же мы видим, что неподвижный объект (остров) воспринимается как движущийся. Ещё одним интересным выводом из анализа пространственных культурных моделей является то, что отличия зачастую проявляются не на уровне реально совершаемых действий, а на уровне представлений, сформировавшихся в сознании, т.е. ментальных моделей. Так, действия человека, плывущего между островами, в любой части земли могут выглядеть совершенно одинаково, в то же время представления об осуществляемых действиях могут быть разными, как, например, у жителей Каролинских островов.

Лингвокультурные различия в категоризации, концептуализации и вербализации элементов пространства и отношений между ними всегда вызывали значительное количество трудностей у тех, кому приходится изучать иностранные языки. Так, практика изучения и преподавания английского языка носителям русского показывает, как нелегко даётся русскоговорящим обучающимся постижение правил употребления английских предлогов. Одними из наиболее часто встречающихся, но вместе с тем и сложно усваиваемых, являются английские предлоги *at* и *in*. Оба предлога многозначные [URL: <http://webster-dictionary.net/definition/at>; <http://webster-dictionary.net/definition/in>], и в некоторых из своих значений переводятся при помощи русского предлога *в*. Даже носители английского языка не всегда могут четко объяснить разницу в значении и употреблении указанных предлогов. Как отмечают англоязычные информанты (жители США), предлог *in* чаще употребляется в том случае, если, например, говорящий сообщает о своем местоположении в месте, которое характеризуется достаточно большой площадью: *I'm in Florida, She's in Jacksonville, They're in Africa*. Когда же речь идет о точном месторасположении, указании на ориентир или нахождение в сравнительно небольшом месте, то носители языка выбирают *at*: *He's at home, We're at the zoo, I'm at the Coliseum*.

Подобного рода высказывания с предлогом не допускают обратной интерпретации, т.е. нельзя сказать **They are at Africa* или **She is in work*. Тем не менее, целый ряд объектов, которые выступают как релятумы, допускают использование обоих предлогов, но при этом меняется смысл высказываний, например, *I'm in/at school*. Предлог *in* в приведённом примере передает информацию о том, что говорящий учится, а предлог *at* указывает на его физическое нахождение на территории учебного учреждения.

В некоторых случаях употребление одного из двух обсуждаемых предлогов в результате даёт однозначное высказывание, а использование второго допускает вариации толкования. Так, из двух высказываний с предлогами *She's in the library* и *She's at the library* первое имеет однозначную интерпретацию «референт физически находится внутри библиотеки». Вторая фраза не столь однозначна и может указывать на несколько пространственных позиций референта по отношению к релятуму: «референт находится внутри релятума», «референт находится на улице и стоит у входа в библиотеку», «референт идет по дорожке, ведущей к библиотеке», «референт находится на парковке и собирается идти в библиотеку» и т.п.

Подобного рода вариации в использовании и интерпретации смыслов предложных высказываний в ряде случаев, однако далеко не во всех, объясняются вариантами концептуализации входящих в пространственные отношения объектов, особенно релятума. Один и тот же релятум может восприниматься как точка, плоскость или объёмное пространство. Сравните, например, три пространственные ситуации, описываемые выражениями *The lamp is at the desk, The lamp is on the desk* и *The book is in the desk*, где релятум (письменный стол) концептуализируется как точка, плоскость и объёмное

пространство, соответственно. Аналогичная ситуация, как представляется, наблюдается и в следующих примерах:

He lives at 256 Birchwood Street.

He lives on Birchwood Street. (Американский вариант английского)

He lives in Denver.

Интересны и варианты интерпретации отличий в значении предлогов *to* и *into*, предложенные информантами из США. По их мнению, в предложении *The train came to Seattle* город Сиэтл воспринимается как точка на карте, в то же время в аналогичном высказывании с предлогом *into* – *The train came into Seattle*, тот же город воспринимается как трёхмерный объект.

В данном случае было бы полезно создать подобие диаграммы Венна (или диаграммы Эйлера – Венна, как её ещё называют), т.е. схематичное изображение всех возможных отношений нескольких подмножеств универсального множества. Если, например, представить значения английских и русских предлогов «удаления» (*out of, from, off* и *из, от, с*) в виде подмножества, то корреляцию между их значениями можно отобразить следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение значений английских и русских предлогов *out of, from, off* и *из, от, с*

Варианты значений предлогов	out of	из	from	от	off	с
удаление из пространства, концептуализируемого, как объемное, и обладающего особыми качественными и функциональными характеристиками	+	+	-	-	-	-
удаление из пространства-источника	-	+	+	-	-	-
нахождение референта вне пространства релятума	+	-	-	-	-	-
удаление референта из области функционального воздействия релятума	-	-	+	+	-	-
удаление части от целого	-	-	+	+	-	-
удаление с поверхности релятума, являющейся опорой для референта	-	-	-	-	+	+
удаление референта с поверхности, которая служила отправной точкой перемещения	-	-	+	-	-	+
нахождение референта вне пределов поверхности релятума	-	-	-	+	+	-

Вместе с тем, вариации и отличия в концептуализации объектов не объясняют всех сложных случаев употребления предлогов, так как важными параметрами для интерпретации предложного значения могут быть не только геометрические параметры сцены, но и целый ряд других компонентов,

определяющих возможность существования тех или иных пространственных отношений.

Например, анализируя даже такую обыденную и привычную фразу, как «*Отойди от меня*», мы сталкиваемся с целым рядом вопросов: «На каком расстоянии от релятума должен находиться референт в начале движения?», «Какова траектория движения референта?», «На каком расстоянии от релятума должен находиться референт в конце перемещения, чтобы анализируемое высказывание было истинным?» и т.п. Очевидно, что традиционные определения пространственных значений предлога *от*, как, например, а) место или предмет, являющиеся отправной, исходной точкой движения или перемещения кого-л., чего-л., б) направления движения [URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1137043.html>] не дают ответов на эти вопросы.

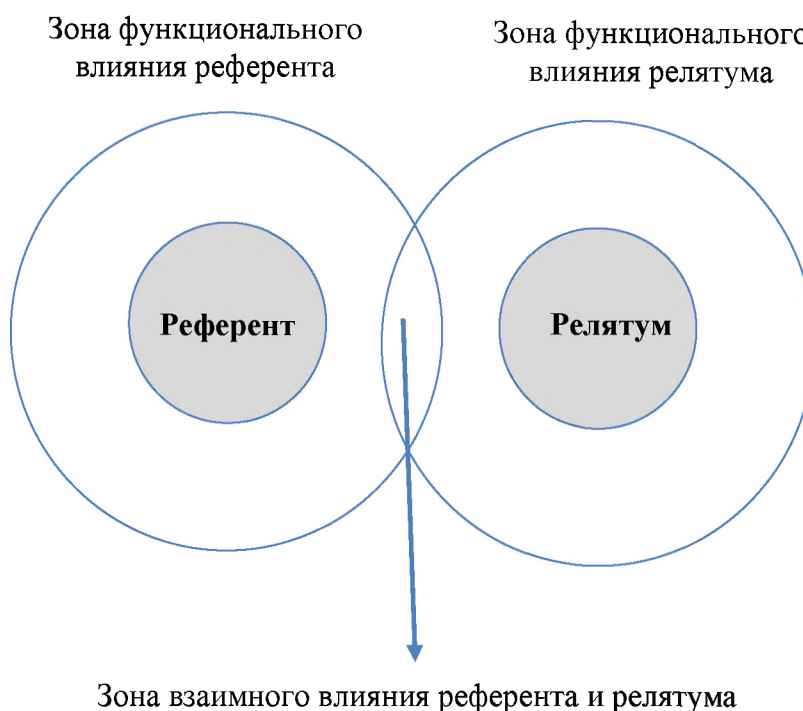
Отвечая на заданные вопросы, прежде всего, необходимо определить, какие из параметров пространственной ситуации, отражающей данные отношения, являются релевантными, а какие – нет. Такой параметр, как, например, траектория перемещения референта в процессе удаления, является не релевантным. Совершенно не важно, будет ли двигаться X по прямой, дуге или зигзагом. Тем не менее, важно то, в каких точках находится референт в начале и в конце движения. Очевидно, что для интерпретации высказываний с предлогом *от* важен параметр, учитывающий расстояние между двумя объектами.

Можно ли назвать точное расстояние между референтом и релятумом, обеспечивающее истинность высказываний с предлогом *от*? Оказывается, что фактическое расстояние между X и Y будет варьироваться в каждом конкретном случае в зависимости от того, какие конкретно объекты участвуют в описываемых пространственных отношениях. Например, для истинности фразы *отойди от меня* референту достаточно будет удалиться на расстояние, при котором референт и релятум не могут оказывать друг на друга какое-либо воздействие – физическое или психологическое. При этом физическое и психологическое воздействие подразумевает тактильный, зрительный, слуховой, вербальный или невербальный (жесты) контакт. *Укрыться от обстрела* – значит оказаться вне зоны действия оружия. Для разных видов оружия эта зона будет иметь разный размер. Схематически подобного типа пространственные отношения можно представить в виде модели пространственной сцены (см. рис. 1).

Каким образом говорящий распознает возможность / невозможность использования той или иной фразы с предлогом в многообразных пространственных ситуациях, с которыми он сталкивается каждый день? Подобные суждения базируются на имеющихся у говорящего знаниях об окружающем мире и опыте взаимодействия с ним. Так, А.А. Залевская отмечает: «Чрезвычайно важно подчеркнуть, что человек как субъект процессов именованного и идентификации поименованного выступает как продукт взаимодействия комплекса “начал” – индивидуального и социального,

чувственного и рационального, при этом и название, и понимание всегда связаны с эмоционально-оценочным переживанием именуемого или идентифицируемого» [Залевская 2018: 10–11].

Положение референта и релятума в начальной точке движения

Положение референта и релятума в конечной точке движения

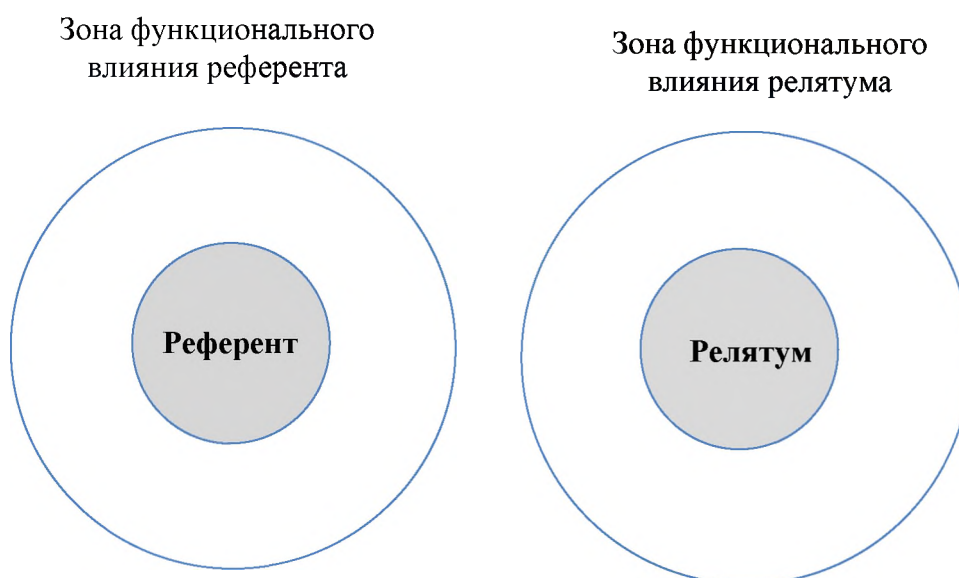

Рис. 1. Модель пространственной сцены для предлога *от*

При этом важны не только общие фоновые знания, но и степень информированности о конкретной пространственной сцене. Представим себе такую ситуацию: вокруг костра стоит группа людей, в костре находится

взрывоопасный предмет. Все, кроме одного участника ситуации, знают об этом. Звучит команда: «*Отойдите от костра*». Отойдут ли все участники на одно и то же расстояние? Вероятнее всего, нет. Тот участник, который не знал о нахождении взрывоопасного объекта в костре, скорее всего, отойдет на меньшее расстояние, чем остальные, так как в его представлении будет достаточно удалиться из зоны действия костра. Те же, кто знал о том, что может произойти взрыв, должны удалиться на более значительное расстояние от костра, пытаясь избежать воздействия возможного взрыва. Более того, знание того, какой именно взрывчатый предмет находится в огне, и какова его взрывная сила, позволит участникам ситуации определить удаленность своего положения более точно.

В приведённых выше примерах функциональные характеристики объектов, участвующих в пространственных отношениях, имеют решающее значение для выбора способа вербализации (о функциональном компоненте в семантике предлогов см. также [Бороздина 2003, 2013; Селиверстова 2004, Маляр 2004, Coventry 2004, Evans 2010, 2013; Evans, Tyler 2003]).

Функциональные характеристики релятума существенны также и при интерпретации значения других пространственных предлогов. Представим, например, такую пространственную сцену, когда человек стоит на пьедестале, подходит к его краю и медленно начинает опускать одну ногу вниз. В какой момент этого действия можно сказать: «*Он сошёл с пьедестала?*» Можно ли употребить эту фразу, когда человек только оторвал одну ногу с пьедестала или когда эта нога находится на расстоянии, например, 15, 10, 5 или 1 сантиметра от земли? Как отмечают информанты, фраза «*Он сошёл с пьедестала*» приобретает свою истинность только тогда, когда человек поставит одну ногу на землю, и она станет опорной ногой. При этом не важно, будет ли касаться вторая нога пьедестала или нет, главное – чтобы она перестала быть опорной ногой. Таким образом, и в этом примере мы видим, что особенно значимым для описываемых пространственных отношений являются не геометрические и топологические параметры сцены, а функциональные характеристики объектов, а именно то, что релятум перестает служить опорой для референта.

Одним из важных и перспективных направлений в описании и сопоставлении ментальной и языковой репрезентаций категории «пространство» в различных лингвокультурах является использование разнообразных экспериментальных методик. Особенно актуальными экспериментальные исследования представляются в связи с изучением функционирования пространственных предлогов как значимого средства выражения пространственных отношений. Современная лингвистика обладает богатым арсеналом исследовательских методов и приёмов, среди которых эксперимент занимает особое место. Так, в психолингвистических исследованиях (см. подробнее [Залевская 2012]) обычно используются ассоциативные эксперименты, эксперименты, направленные на выявление субъективных дефиниций слов, метод семантического дифференциала,

методики дополнения / завершения, методы косвенного исследования семантики (например, определение семантического расстояния), градуального шкалирования и т.д. К приведённому списку можно добавить и становящиеся всё более распространёнными экспериментальные методы и приёмы изучения ментальной и языковой репрезентаций окружающей действительности с использованием современных технологий: отслеживателей глаз (окулография или айтрекинг), функциональной магнитно-резонансной томографии, электроэнцефалографии и др. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев все перечисленные экспериментальные средства используются при исследовании полнозначных лексических единиц, в то время как, например, такие неоднозначные с точки зрения своего семантического статуса слова, как предлоги, не столь часто становятся объектом экспериментальных исследований. В связи с этим в данной работе будут проанализированы возможности использования экспериментальных методик в ходе изучения семантики пространственных предлогов.

Предлоги являются важным средством репрезентации пространственных отношений. В их значении может быть заложена существенная информация, указывающая на сегмент пространства, в котором находится объект: сравните, например, выражения *книга на шкафу*, *книга в шкафу*, *книга под шкафом*, где именно предлог указывает на ту область пространства, в которой расположен объект (книга). Предлоги указывают на направление движения, и в ряде языков, например, в английском, могут быть единственным средством выражения направления движения в предложении: *the boy went out of the room* и *the boy went into the room* (в русском языке функцию указания на направление движения делят между собой предлог и глагольная приставка: *мальчик вышел из комнаты* и *мальчик вошел в комнату*).

Кроме того, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что предлог может быть многозначным, имея несколько значений не только для обозначения отношений в различных категориях (пространство, время, причинно-следственные связи и т.п.), но и в рамках одной категории, например, пространственной [Бороздина 2013; Селиверстова 2004]. Более того, именно пространственное значение предлогов, как считают В. Эванс и А. Тайлер [Evans 2010, 2013; Evans, Tyler 2003], является основой для появления и развития их непространственных значений.

Представители когнитивной лингвистики описывают развитие значений предлогов следующим образом: в результате восприятия окружающего мира и опыта взаимодействия с ним человек выделяет определённые сегменты, которые выступают как отдельные пространственные сцены. Каждая пространственная сцена отражает определённый вид отношений между двумя объектами, ментальной репрезентацией которой является концепт. В дальнейшем происходит перенос содержания пространственного концепта на непространственные области, при этом каждое значение, как предполагается, кодирует определённую пространственную сцену. Таким образом,

когнитивно-экспериенциальный подход позволяет достаточно логично объяснить многозначность предлогов и распространение их пространственного значения на непространственные области. Тем не менее, по-прежнему остаётся нерешённым ряд вопросов, среди которых вопрос о том, какое из значений многозначного предлога является основным и, соответственно, какая из описываемых им пространственных сцен – прототипической.

Для поиска ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к экспериментальному исследованию с участием носителей языка. В данной работе описываются этапы проведения и результаты эксперимента, направленного на выявления прототипической пространственной сцены, выражаемой одним из пространственных значений русского предлога *на*. В качестве экспериментальной методики была выбрана методика дополнения / завершения, при которой испытуемые (далее – Ии.) должны заполнить словами пропуски, опираясь на имеющийся контекст. Применительно к предлогам данная методика была несколько видоизменена: испытуемым предлагались два существительных в именительном падеже с пропуском между ними, обозначенным тремя точками, например, *книга ... стол* и т.п. с заданием соединить слова при помощи предлога, изменив при необходимости порядок и падеж существительных так, чтобы получилось грамматически верное высказывание.

Предполагалось, что для завершения словосочетания Ии. выберут тот предлог, который наиболее часто используется для выражения отношений, возможных между предметами, обозначенными данными существительными. В инструкции для Ии. также было указано, что они должны записать первый пришедший им в голову вариант.

Первоначально эксперимент проводился с участием 36 носителей русского языка в возрасте от 18 до 24 лет (обучающиеся ФГБОУ ВО «Курский государственный университет») – первая группа. После обработки полученных данных был проведен ещё один этап эксперимента с участием 28 носителей русского языка в возрасте от 45 до 65 лет – вторая группа. Второй этап эксперимента позволил установить наличие / отсутствие отличий в восприятии описываемых предлогом *на* прототипических пространственных сцен в зависимости от возраста Ии.

Так, и в первой, и во второй группах наибольшее количество совпадений было выявлено в случае, когда Ии. предлагалось соединить слова *книга* и *стол*: 87% Ии. первой группы (31 Ии.) и 92% Ии. из второй группы (25 Ии.) предложили соединить эти существительные предлогом *на*. Это позволяет говорить о том, что указанная пространственная ситуация относится к числу тех, которые входят в прототипическую пространственную сцену для данного значения предлога. Что касается других пар существительных, то предложенные Ии. варианты предлогов характеризовались большим разнообразием. В данном случае хотелось бы более подробно остановиться на результатах эксперимента, полученных в ходе завершения словосочетания с

существительными *книга* и *телевизор*, так как именно здесь наблюдались наиболее очевидные отличия в предлогах, использованных Ии. первой группы и теми, кто входил в группу 2.

Анализ полученных от первой группы Ии. анкет показал, что испытуемые затрудняются установить какой-либо тип пространственных отношений между объектами, выраженными существительными *книга* и *телевизор*: 2 Ии. отказались дать ответ, а среди заполненных анкет было значительное количество вариантов, вызывающих сомнения в отношении их правильности. В ряде случаев предлог использовался в непространственном значении. Кроме того, среди предложенных словосочетаний были даже такие, где слова были соединены не предлогом, а союзом (см. табл. 2).

Таблица 2. Результаты эксперимента, полученные от группы 1

Высказывание	Количество	Высказывание	Количество
<i>книга на телевизоре</i>	2	<i>телевизор на книге</i>	1
<i>книга около телевизора</i>	4	<i>телевизор с книгой</i>	1
<i>книга о телевизоре</i>	2	<i>книга от телевизора</i>	1
<i>книга в телевизоре</i>	1	<i>книга к телевизору</i>	1
<i>книга за телевизором</i>	1	<i>телевизор по книге</i>	1
<i>книга рядом с телевизором</i>	3	<i>книга про телевизор</i>	1
<i>книга перед телевизором</i>	2	<i>книга без телевизора</i>	1
<i>книга под телевизором</i>	1	<i>книга вместо телевизора</i>	1
<i>книга над телевизором</i>	1	<i>телевизор без книги</i>	1
<i>книга у телевизора</i>	1	<i>телевизор за книгами</i>	1
<i>книга из телевизора</i>	1	<i>книга по телевизору</i>	1
<i>телевизор в книге</i>	1	<i>книга для телевизора</i>	1
<i>телевизор под книгой</i>	1	<i>книга и телевизор</i>	1

Такой разброс вариантов использования предлогов говорит о том, что в сознании современного носителя русского языка в возрастной группе от 18 до 24 лет пространственная ситуация, описываемая словосочетанием *книга на телевизоре*, не входит в представление о прототипической пространственной сцене, характерной для следующего значения предлога *на*: «употребляется при выражении пространственных отношений при указании на предмет, на котором помещается, укрепляется какой-л. другой предмет» [URL: http://slovonline.ru/slovar_efremova/b-14/id-47753/na.html].

Результаты эксперимента становятся вполне объяснимыми, если обратиться к идее о том, что предлоги не только передают информацию о положении одного предмета относительно другого, но и указывают на функциональные связи между ними. Предлог *на*, например, указывает на то, что поверхность одного предмета может служить опорой для другого. Очевидно, что современные модели телевизоров, не имея широкой верхней горизонтальной поверхности, не способны выполнять указанную функцию.

Описываемая ситуация в несколько шутливой форме представлена на рис. 2 [URL: <https://yandex.ru/images/>]. Именно поэтому, опираясь на свой опыт познания окружающего мира и взаимодействия с ним, Ии. первой возрастной группы не воспринимают пространственную сцену, описываемую словосочетанием *книга на телевизоре*, как возможный прототип для пространственного значения предлога *на*.

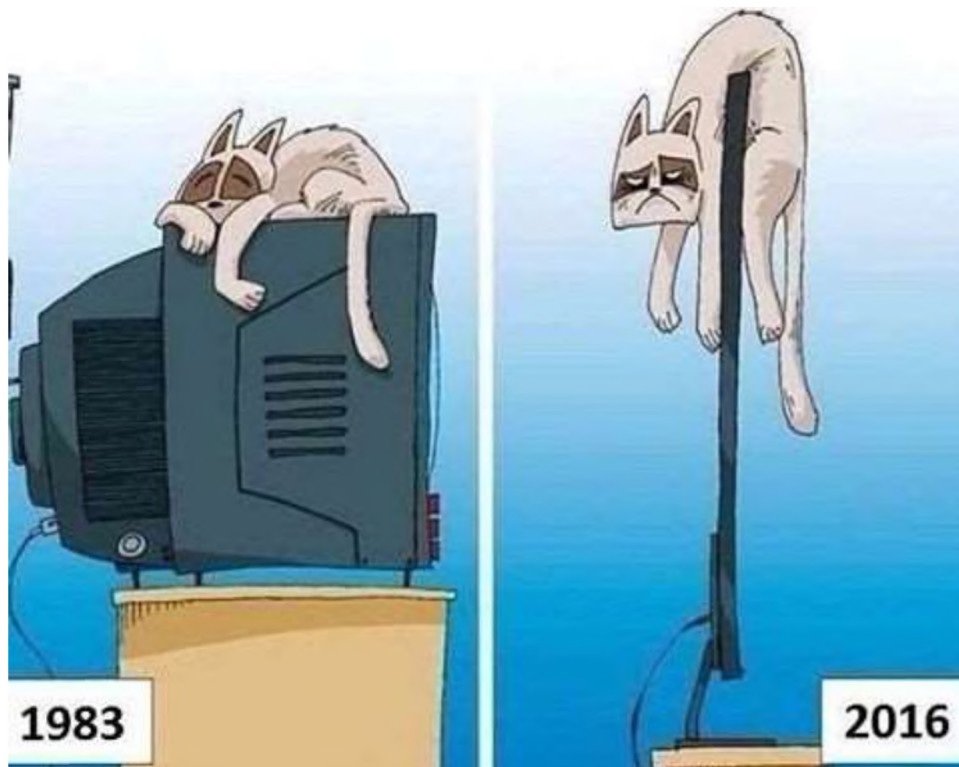

Рис 2. Динамические изменения прототипической пространственной сцены для предлога *на*

В то же время совершенно иные результаты были получены в ходе анализа анкет Ии. второй возрастной группы. Значительная часть Ии. (16 человек / 57%) соединили предложенные существительные при помощи предлога *на* (*книга на телевизоре*). Более того, наблюдалась следующая тенденция: чем выше возраст информантов, тем чаще встречалась в анкетах фраза *книга на телевизоре*. В целом, разброс вариантов оказался не столь существенным, как в случае с результатами эксперимента с группой 1 (см. табл. 3).

Представленные результаты свидетельствуют о том, что Ии. второй возрастной группы, имея иной опыт познания и взаимодействия с окружающим миром, имеют и иное представление о содержании прототипической пространственной сцены, описываемой значением предлога. В их сознании укоренилось представление о старых моделях телевизоров, а многие до сих пор пользуются телевизорами с широкой горизонтальной поверхностью, способной служить опорой для других предметов.

Таблица 3. Результаты эксперимента, полученные от группы 2

Высказывание	Количество	Высказывание	Количество
<i>книга на телевизоре</i>	16	<i>книга перед телевизором</i>	1
<i>книга около/возле телевизора</i>	6	<i>книга о телевизоре</i>	2
<i>книга рядом с телевизором</i>	3		

Таким образом, проведённое экспериментальное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) представления о прототипической пространственной сцене, передаваемой тем или иным значением предлога, могут варьироваться в зависимости от возраста носителей языка и, соответственно, от имеющегося опыта познания и взаимодействия с окружающей средой; 2) представление о прототипической пространственной сцене может изменяться, если один из объектов пространственной ситуации утрачивает способность выполнять необходимую функцию по отношению к другому объекту. Кроме того, важным общим выводом данного исследования может служить идея о том, что использование экспериментальных методов и методик, в частности методики дополнения / завершения, может быть перспективным и полезным при изучении семантики предлогов и описываемых ими пространственных сцен.

Изменение концептуализации пространственных объектов и характера отношений между ними можно наблюдать и в ходе изучения текстов, принадлежащих к разным временным периодам. Например, в произведениях Ф.М. Достоевского слово *этаж* неоднократно используется с предлогом *в*, что позволяет предположить, что на определённом этапе данный объект концептуализировался как трёхмерный.

Он, однако же, жил не на Васильевском острове, а в двух шагах от того места, где умер, в доме Клугена, под самой кровлею, в пятом этаже, в отдельной квартире... [Достоевский 1987: 173].

А жил он очень далеко, не там, где после жил и умер, а в Гороховой, тоже в большом доме, в четвёртом этаже [Достоевский 1987: 434].

В современном языке *этаж* концептуализируется как двухмерный объект, соответственно, при описании пространственной сцены, происходящей с этим предметом, используется предлог *на*.

Во втором из приведённых примеров есть ещё один интересный случай использования предлога. Так, с названием улицы, Гороховая, автор использует предлог *в* – *...жил он очень далеко, не там, где после жил и умер, а в Гороховой...*, что также может быть свидетельством возможной концептуализации такого пространственного объекта, как улица, в виде трёхмерного объекта. В британском варианте английского языка именно предлог *in*, соответствующий русскому *в*, используется для обозначения

нахождения референта на улице *to be in a street*. Однако в американском английском используется предлог *on*, являющийся коррелятом русского *на*. Подобного рода примеры позволяют предположить, что концептуализация пространственных объектов и отношений между ними, а также способы их вербального обозначения могут меняться с течением времени и варьироваться от одной лингвокультуры к другой.

В заключение можно отметить, что изучение способов ментальной и языковой репрезентации компонентов, входящих в категорию «пространство», по-прежнему представляется актуальным. Всё новые и новые данные обнаруживаются благодаря использованию новых подходов, современных методов и приёмов анализа, а также благодаря непрерывному изменению окружающего мира и, собственно, самого языка. Много нерешённых вопросов сохраняется и в области изучения и сопоставления способов репрезентации пространства в различных лингвокультурах.

Список литературы

- Бороздина И.С. Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2003. 223 с.
- Бороздина И.С. Русский предлог с / со и основные пространственные характеристики описываемых денотативных ситуаций // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 73. № 1 (292). 2013. С. 19–24.
- Достоевский Ф.М. Бедные люди. Белые ночи. Униженные и оскорбленные / Прим. Н. Будановой, Е. Семенова, Г. Фридендера. М.: Правда, 1987. 480 с.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 / URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 27.09.2018).
- Залевская А.А. О базовой стратегии идентификации значения слова в экспериментальной ситуации // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. научн. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. Вып. 12. С. 90–107.
- Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. унт, 2018. 160 с.
- Маляр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2002. 44 с.
- Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
- Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т.Ф. Ефремовой // URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-14/id-47753/na.html (дата обращения: 17.01.2018).
- Чертов Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. Языки славянской культуры, 2014. 560 с.
- Эверетт Д.Л. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / сост. А.Д. Кошелев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 384 с.
- Cambridge Dictionary / URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 27.09.2018).
- Coventry, K. Seeing, Saying and Acting. The Psychological Semantics of Spatial Prepositions. Psychology Press: Hove and New York, 2004. 314 p.
- Cultural models in language and thought. Holland D., Quinn N., eds. New York: Cambridge University Press. 1987. 384 p.
- D'Andrade, R. The development of cognitive anthropology. Cambridge University Press. 2000. 272 p.

Evans, V. From the Spatial to the Non-Spatial: the 'state' Lexical Concepts of "in", "on" and "at" / V. Evans // Language, Cognition and Space: The State of The Art and New Directions. Eds. Vyvyan Evans and Paul Chilton. London: Equinox publishing, 2010. Pp. 171–193.

Evans, V. A Unified Account of Polysemy within LCCM Theory. / V. Evans // *Lingua* 92 (1). 2013. Pp. 400–432.

Evans, V., Tyler A. The semantics of English prepositions: Spatial scenes, embodied meanings, and cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 254 p.

Gladwin, T. East is a Big Bird: Navigation and Logic on Puluwat Atoll. Cambridge: Harvard University Press. 1970. 243 p.

Maugham, W.S. The Happy Man // English Reader for Third-year Students, J., «Просвещение», 1979. 200 с.

Pinker, S. How the mind works. W.W. Norton & Company, Inc. New York, London. 2009. 661 p.

Webster Dictionary / URL: <http://webster-dictionary.net/>

MENTAL AND LANGUAGE REPRESENTATIONS OF THE FRAGMENTS OF WORLD SPACE IMAGE: DESCRIPTION AND COMPARISON

I.S. Borozdina

The paper discusses a number of issues related to the study of mental and language representations of "the space" category structural elements, including spatial relations between objects. Relying on the accumulated experience in the study of categorization, conceptualization and verbalization of space in different linguocultural communities, the author suggests ways of interpreting the meaning of a number of spatial lexemes, in particular prepositions. Special attention is paid to the role of the functional component in the interpretation of spatial relations and prepositional semantics. In addition, the paper presents a description of experimental procedures aimed at reconstructing the dynamic relational model that reflects the process of perception and nomination of spatial scenes.

Keywords: "space" category, mental representation, language representation, preposition, prototypical spatial scene.